

Тенденция той же направленности связана с высокими уровнем бедности в стране, с трудностями получения квалифицированной медицинской помощи, особенно для пенсионеров, с трудом сводящих концы с концами. Эти трудно переносимые для социально незащищенного человека реалии нашего повседневного существования провоцируют деформацию его сознания в форме апелляции к оккультизму и мистике, вопреки тому обстоятельству, что наука определяет стиль повседневного мышления в современной культуре.

Спрос рождает предложение. У нас появилась многочисленная армия профессиональных магов и колдунов, знахарей и прорицателей, которые пользуются услугами периодической печати, чтобы навязчиво рекламировать свое «целительное искусство». Оккультные науки уверенно присваивают себе академический статус и ссылаются на государственное лицензирование своей деятельности¹³.

Нельзя не согласиться с Л.П.Буевой, что «эзотерические знания, своеобразная “мода” на эзотеризм имеют свои причины, более глубокие, чем просто “мода”. Возросший интерес к ним — растущая неудовлетворенность современным состоянием проблем о смыслах бытия человека, как индивида, так и общества в целом, опасность нарастающего катастрофизма человеческих действий, казалось бы, напрямую руководимых разумом и часто не совместимых с результатом. Наконец, немалую роль играет усиливающийся кризис цивилизационных и культурных ценностей и идеалов, неудовлетворенность процессами целеполагания и самим ходом человеческой цивилизованной жизни, которые при росте потребления и комфорта часто теряют свои человеческие черты»¹⁴.

Можно с уверенностью говорить о формировании в глобальном масштабе новой ситуации в области человеческого сознания и поведения, отмеченной появлением стойких мистических настроений, концептуальных идей и социально-утопических проектов. Мистицизм стал знаковой особенностью современной эпохи, отмеченной не только колоссальным научно-техническим прогрессом, но и глубочайшими противоречиями кризисного характера, явившись специфическим общим знаменателем того и другого под воздействием креатив-

ной активности религиозного сознания. И в самом деле, именно мистицизм дает наиболее легкую, но при том только *виртуальную* возможность достичь желательного примирения означенных противоположностей, все сильнее выступающих в ходе развития современной цивилизации.

Убедительнейшим показателем огромного воздействия магии и мистицизма на сознание современного западного мира явился астрономический тираж книг о Гарри Поттере, который не смог превзойти лишь рекорд Библии. Притягательный мистический ореол литературных героев вызывает подражание, стремление воплотить стереотипы мистицизма в собственном поведении, примером чему явились более ранние увлечения произведениями Толкиена, Лавкрафта и Кастанеды, породившие соответствующие движения в молодежной среде. Со временем к ним добавились мистически окрашенные молодежные группы *готов*, *растаманов* и ряд других.

Особое внимание привлекает к себе малообъяснимый на первый взгляд «порыв» некоторых представителей академической науки и философии к религиозно-мистическому умунастроению и миропониманию вслед за энтузиастами «новой физики», вызвавшими бурные дискуссии в недавнем прошлом (Ф.Капра, Д.Бом). В последние годы ряд отечественных физиков предложили теорию физического вакуума и торсионных полей в качестве новой парадигмы современного естествознания и при этом не нашли ничего лучшего, как позаимствовать дискурс оккультизма — мистического учения о существовании скрытых сил в человеке и космосе¹⁵. «Наука отстала от “ненаучных” форм мировоззрения», — заявляет А.Е.Акимов — один из главных отечественных пропагандистов «новой физики»¹⁶.

Не меньшее удивление вызывает недавнее обращение философов, специалистов по методологии науки, к традиционной мистике иудаизма — каббале. Они полагают, что «свойственный каббале некий синтетический взгляд на мир в целом сближает её как с постнеклассической наукой, ориентированной на междисциплинарные исследования, так и с самыми современными философскими направлениями...»¹⁷. Примечательно, что плод своих коллективных размышлений они характеризуют не в качестве научно-теоретического и философского исследова-

ния, а как «духовный поиск, поиск истины, смысла и ценностей»¹⁸. Сразу приходит на память давно вышедший из употребления (по-видимому, напрасно) термин «богоискательство», обозначавший поиски новой религиозно-мистической духовности — то, что теперь принято называть новыми (нетрадиционными) религиозными движениями. Кстати сказать, их лидеры нередко прибегают к заимствованию представлений современной науки и заявляют о превосходстве своих вероучений над традиционными религиями и научным сознанием, т.е. предлагают тот или иной вариант синтеза религии и науки. В парадоксально названной книге «Сфирот познания» речь идет по существу о том же самом. «Именно каббалистическая традиция, — заявляют авторы книги (два философа и известный современный каббалист), — представляется нам наиболее перспективной для разрешения тех онтологических и эпистемологических трудностей, которые встают перед современным познанием»¹⁹. Фактически же имеется в виду не научное познание, а прагматическое «освоение мира»²⁰ на основе синкретически «онаученной» религиозно-мистической (каббалистической) парадигмы.

Возрождение интереса к мистицизму затронуло в первую очередь, конечно, конфессиональные объединения и внеконфессиональные движения (нетрадиционные религии). В православии, беспрецедентно для нескольких последних столетий (не считая злополучной борьбы с имяславцами в начале прошлого века), пробудился неожиданно большой интерес к исихазму — мистическому опыту священнобезмолвия, обретаемому благодаря Иисусовой молитве — «умному деланию». Этот интерес стимулируется и мотивируется произошедшей переоценкой и переосмыслением значения мистицизма монахов-отшельников с Афона — многовекового центра исихазма. И если «ещё относительно недавно многие — отнюдь не только на Западе, но и в Православии — считали исихастскую традицию неким маргинальным явлением, узкой и странной школой», то теперь «православная мысль пришла к прочному выводу о том, что именно исихастское подвижничество есть истинное ядро и стержень православной духовности»²¹, а вместе с тем — основа особого антропологического учения и философии в целом.

Знаменательным событием стала защита на философском факультете Санкт-Петербургского университета кандидатской диссертации священника О.С.Климкова «Опыт безмолвия»²², в которой ставилась задача осмыслить глубинную сущность православной духовности, ярко выраженную в мистико-психологическом явлении, известном под названием «исихазма». Автор считает, что «изучение исихазма имеет большое значение и в сфере философской антропологии, психологии религии в частности, и в области современной гуманитарной культуры в целом».

Полагаю, что значение и масштабы влияния мистицизма (в том числе в его исихастском проявлении) здесь сильно преувеличены, и именно благодаря этому его роль простирается весьма далеко за рамки собственно религиозного сознания и мыслится в качестве некоей универсалии человеческого сознания и культуры в целом.

Еще дальше в этом направлении идут рассуждения С.С.Хоружия. Понимание исихастской практики («умного делания») в качестве антропологической стратегии «ставит принципиальные проблемы для каждой из наук о человеке, и её изучение в работах Хоружия приняло форму междисциплинарной программы, включающей богословские, психологические, лингвистические темы, однако ядром своим имеющей философию. Исихастский опыт толкает строить философию как “дискурс энергий”, в которой энергия, или “бытие-действие” — ведущий, производящий принцип для всей системы понятий»²³. Здесь мистицизм трактуется в качестве несущей конструкции синкретического единства философской антропологии, персонализма и экзистенциализма.

Мистицизм доминирует в новых религиозных движениях, главным образом в форме пантеистически обоснованной стратегии «духовного пробуждения» человека и решения благодаря этому всех его экзистенциальных проблем. Показательна в этом отношении деятельность американца Н.Д.Уолша, автора переведенной на 26 языков книги «Единение с Богом» и основателя фонда ReCreation («Воссоздание», имеется в виду — совершенного человека). Этот фонд функционирует в качестве «некоммерческой организации для личного роста и духовного пони-

мания». Предлагаемая панацея духовного возрождения индивида и общества в целом звучит так: «Всё, что вы должны сделать, когда что-то становится непонятным, когда жизнь приводит вас в замешательство, — смело встретите то, что вы видите, и сказать: “Я Есть Это” [то есть опереться на древний пантеистический принцип индуизма]. Увидьте Бога в каждом и помогите каждому увидеть в себе Бога»²⁴. Согласно этой концепции, развивая мистическое самосознание, человек сможет реализовать своими собственными внутренними силами антропологическую утопию, устраняющую все его жизненные проблемы и гарантирующую ему душевное умиротворение. «Стоит вам избрать это ощущение единения с Богом, — уверяет Уолш, — и вы наконец узнаете покой, радость без границ, любовь в полном ее выражении и полную свободу»²⁵. Аналогичные призывы к духовному совершенствованию человека на религиозно-мистической основе постоянно звучат из уст лидеров многочисленных новых религиозных движений.

Всё это заставляет представителей общественных и гуманитарных наук — философов, культурологов, историков и социологов, психологов и психиатров, не говоря уже о собственно религиоведах, — тщательнее и более строго исследовать мистицизм — это древнейшее в человеческой культуре явление, которое ныне уже не утаивает от постороннего взгляда разнообразную и многоцветную палитру своих проявлений, а, напротив, разворачивает её во всей полноте. Мистические психосоматические практики, традиционно именовавшиеся «тайнами», утратили свой эзотеризм и превратились в ширпотреб на рынке «спиритуальных товаров» (Э.Тюффлер). Из заповедного учения, предназначенного только для посвященных, мистицизм стал общедоступным, о чем свидетельствует растущий в западном мире интерес к учениям и практикам средневековых школ тибетского буддизма и к религии бон. Более того, его рекламируют как панацею разрешения всех, в том числе самых острых проблем и противоречий современности. Причем самым «радикальным» способом — посредством их нивелировки, игнорирования самого их существования. Как заявляет уже упоминавшийся мистик-пантеист Н.Д.Уолш, «следует осознать, что проблем не существует»²⁶.

Поскольку мистицизм утратил свой маргинальный характер, перестав быть предметом интереса только эзотерических объединений и узкого круга специалистов, постольку ощущается необходимость поставить мистицизм в центр религиозно-философских и религиоведческих исследований, сделать этот интереснейший социокультурный феномен предметом изучения как в отдельных религиозных традициях, так и в целом, выясняя общие особенности его многообразных проявлений. По праву можно считать, что изучение мистицизма — это социальный заказ современности.

Однако пока у нас чаще возникает множество вопросов по поводу этого удивительного и загадочного явления, чем находится ответов и удовлетворительных объяснений. Констатируя факт возрождения, усиления и расширения влияния мистических настроений, мы всё же не уверены в устойчивости этой тенденции нашего времени. Есть ли в ней что-то новое или перед нами лишь всплеск полузабытых умонастроений и только оживление рудиментов древних архетипов сознания и поведения?

У нас давно выработалась привычка относиться к мистицизму настороженно, с опаской, а то и резко отрицательно, враждебно. Однако сегодня не без основания многие считают, что какие-то тенденции мистицизма оправданы существующей социокультурной ситуацией, поисками духовного обновления. Со всей серьезностью звучат декларации о том, что мистическое мировидение и осмысление феномена человека, техники продуцирования «мистического опыта» могут быть полезными для разработки новой научной парадигмы, правильной экологической политики, стратегии сохранения человеческого рода на земле, для развития и совершенствования современной цивилизации. Может ли мистицизм стать фактором сближения и взаимопонимания между различными конфессиями и стоит ли надеяться на достижение с его помощью толерантных и доверительных взаимоотношений между старыми религиозными традициями, расхождение которых между собой грозит превратиться в столкновение обособившихся цивилизаций, раскалывающее современное человечество на непримиримо враждебные лагеря? Или же мистицизм способен только провоциро-

вать размежевание и раскол между разными религиозными культурами, особенно когда в них доминирует национально-этническая составляющая?

От этого сакраментального феномена нельзя отмахнуться, списать на ограниченность и заблуждения «превратного сознания». Важно выяснить его место в ведущих культурно-религиозных традициях и проанализировать сам мистицизм — в его специфике, смыслах и значениях, в его многообразных функциях и роли в жизни человека и общества. Перед исследованием мистицизма с объективно научных позиций стоит целый ряд познавательных-аналитических задач. Необходимо проводить различие между мистикой и другими элементарными типами веры, ориентированными на сакральное начало, такими как магия, мантика, религия в собственном смысле слова (как богопоклонение), несмотря на их системную взаимосвязь и объединение между собой в развитых религиозных традициях. Необходимо критика односторонних, редукционистских трактовок этого сложного, системно организованного явления. Целесообразно рассмотреть разновидности мистики в соответствии с её историческим генезисом, формы её опредмечивания и овеществления, проанализировать типовые схемы имманентной и трансцендентной направленности путей мистического совершенствования. Большой интерес представляет изучение смыслов и значений мистицизма, которые выявляются в его трех аспектах: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом, а также в целостной индивидуально-личностной форме мистической любви к Богу, в форме «духоносности» (С.Булгаков). Следует рассмотреть мистическое содержание основных религиозно-философских традиций: античной, святоотеческой, суфийской, католической, тибето-буддийской; показать, что мистицизм придает целевую значимость трансформации и совершенствованию личности, знаменует собой конечное назначение религии — приобщение к сакральному началу, осмысливаемому в качестве обретения индуистского освобождения, буддийского просветления или христианского спасения.

Актуальной задачей является анализ современной ситуации в Интернете, сложившейся благодаря циркуляции в Сети гигантского объема информации по мистицизму и широкомас-

штабному обмену мнениями по поводу соответствующих представлений, практик, рекомендуемой литературы и наставников. Мистицизм выплеснулся в Интернет из-за того, что этой актуальной проблематике не уделяется необходимого внимания в церковных и светских публикациях, в научных изданиях, а новые религиозные объединения в разноречиво настойчиво пропагандируют самые разнообразные мистические концепции и практики.

В представленном читателю сборнике статей философов и религиоведов рассмотрена основная тематика научно-аналитического изучения мистицизма, показана его специфика в отличии от остальных типов веры, ориентированных на приоритет сакрального начала, дана характеристика нескольких направлений мистицизма, вызывающих к себе растущий интерес и усиливающих свое влияние в современных условиях; обрисована картина мистической активности в Интернете.

Примечания

- ¹ Балагушкин Е.Г. Социально-политическая активность современных религиозно-мистических культов и организаций // Вопр. научн. атеизма. Вып. 38: Мистицизм: проблемы анализа и критика. М., 1989. С. 269.
- ² Вопр. научн. атеизма. Вып. 38: Мистицизм: проблемы анализа и критика, 1989.
- ³ Митрохин Л.Н. Мистицизм как историко-культурный феномен // Вопр. научн. атеизма. Вып. 38: Мистицизм: проблемы анализа и критика. М., 1989.
- ⁴ Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? Крит. очерки. М., 1984.
- ⁵ Ротовский А.А. Неомистицизм и проблемы идеологической борьбы // Вопр. научн. атеизма. Вып. 38: Мистицизм: проблемы анализа и критика. М., 1989.
- ⁶ Григулевич И.Р. Пророки «новой истины». М., 1983.
- ⁷ Парнов Е.И. Боги дотоса: критические заметки о мифах, верованиях и мистике Востока. М., 1980.
- ⁸ Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. М., 1965.
- ⁹ Балагушкин Е.Г. Религия в новых масках // Воспитать атеиста / Под общ. ред. Д.М.Уриновича. М., 1988. С. 369.
- ¹⁰ Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? Крит. очерки.
- ¹¹ Елисеев В. Православный путь ко спасению и восточные и оккультные мистические учения. М., 1995. С. 2.
- ¹² Motmaers P. Was ist Mystik? Übersetzt von Franz Theunis. Frankfurt a/M., 1996. С. 11.

- ¹³ Эта болезненная проблема была, в частности, затронута на недавнем общем собрании Российской академии наук, состоявшемся 29 мая 2008 г. В.В.Путин отметил правильность содержащегося в постановлении, принятом на данном заседании, призыва к ученым бороться с лженаучными представлениями, с мракобесием. Эдуард Круglyаков, председатель комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН, прокомментировал это заявление нашего премьера следующим образом: «Власть почувствовала, что с экстрасенсами уже перебор» (Владимир Путин на заседании Российской академии наук: Борьба с мракобесием? Очень правильно! // Комс. правда. 30 мая 2008. С. 2).
- ¹⁴ Буева Л.П. Предисловие // Лайтман М., Розин М. Каббала в контексте истории и современности. М., 2005. С. 4.
- ¹⁵ См.: Тихоплав В.Ю. Физика веры. М., 2005.
- ¹⁶ Акимов А.Е. Торсионные поля тонкого Мира // Терминатор. 1996. № 1–2. С. 13.
- ¹⁷ Аршинов В., Лайтман М., Сvirский Я. Сфирот познания. М., 2007. С. 91.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Там же. С. 30.
- ²⁰ По тексту книги: «освоение природы и внутреннего мира человека». Там же.
- ²¹ Хоружий С.С. Исихазм: Аннот. библиогр. / Ред. С.С.Хоружий. М., 2004. С. 15.
- ²² Климов О.С. Опыт безмолвия: Человек в мирозерцании византийских исихастов. СПб., 2001. С. 15.
- ²³ Хоружий С.С. Православная аскеза – ключ к новому видению человека: Сб. ст. М., 2000.
- ²⁴ Уоли Н.Д. Единение с Богом. Киев–М.–СПб., 2003. С. 242, 236.
- ²⁵ Там же. С. 252.
- ²⁶ Там же. С. 242.

Е.Г. Балагушкин

Аналитическая теория мистики и мистицизма

Представления о мистике и мистицизме довольно неопределенны и во многом противоречивы, и не только в обыденном сознании, но даже в религиоведении, претендующем на высокий статус «науки о религии», ко многому обязывающий, в том числе к точности используемых понятий. На это досадное обстоятельство указывал почти столетие тому назад Уильям Джеймс, автор знаменитого произведения «Многообразие религиозного опыта». Он подчеркивал необходимость сузить объем понятия «мистика» и попытался выделить четыре главных характерных признака, которые могут послужить критерием для различения мистических переживаний (неизреченность, интуитивность, кратковременность, бездеятельность воли)¹. Однако философия прагматизма вынудила Джеймса ограничиться эмпирическим подходом к изучению мистики, которую он понимал лишь как специфические «состояния сознания». В результате он стал одним из крупнейших представителей *психологизма* в понимании религии и мистицизма, чреватого редукационизмом² — игнорированием сложного, многоуровневого строения этих социокультурных феноменов и непониманием стадияльно-типологических изменений, свойственных их историческому генезису. Джеймс даже причислял религию «к числу важнейших биологических функций человечества»³.